

ОПЕРАЦИИ ВТОРЖЕНИЯ 1920–2008

ВЫВОДЫ И УРОКИ

ХХ военные
тайны
века

В.А. РУНОВ

Военные тайны XX века

Валентин Рунов

**Операции вторжения:
1920-2008. Выводы и уроки**

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

Рунов В. А.

Операции вторжения: 1920-2008. Выводы и уроки / В. А. Рунов —
«ВЕЧЕ», 2022 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4484-8869-6

В истории СССР и Российской Федерации неоднократно случалось так, что ради достижения стратегических целей их войскам приходилось вторгаться на сопредельную территорию. Далеко не всегда эти операции завершались успешно, на что были объективные и субъективные причины. Однако итоги этих операций всегда существенно влияли на обстановку в данном регионе и особенно на дальнейшее развитие страны. В книге на основе архивных документов и других исторических источников рассмотрены вопросы подготовки и осуществления операций вторжения вооруженных сил СССР и Российской Федерации, которые имели место с 1920 по 2008 год, сделан их анализ, сформулированы выводы и уроки. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4484-8869-6

© Рунов В. А., 2022
© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Введение	6
Советско-польская война 1920 года	10
Испытание Испанией (1936–1938)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валентин Александрович Рунов

Операции вторжения. 1920– 2008. Выводы и уроки

© Рунов В.А., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Введение

Любая война – это зло, от которого многие тысячелетия страдает человечество. Правда, некоторые ученые уверены в том, что войны также способствуют ускорению прогресса во многих областях жизни человеческого общества. Возможно, это и так, но потери и страдания, которые в результате войн несут конкретные страны и народы, нельзя объяснить никаким прогрессом. Это моя твердая позиция, и я хочу заявить о ней в самом начале книги, написанной на очень «щекотливую» тему.

Дело в том, что сторону, вторгшуюся на территорию другой страны, всегда и вполне справедливо называют агрессором. Однако иногда возникают такие условия, что такое вторжение становится необходимым для того, чтобы решить какие-то очень важные политические и экономические задачи. В общечеловеческой значимости этих задач также можно сомневаться. Но вторжения становятся историческими фактами, от которых уже нельзя отказаться, и поэтому они требуют детального изучения со стороны военной истории и военного искусства.

Военное искусство – это составная часть военной науки. Его главная задача – детально и всесторонне изучить операцию или конкретный бой, с тем чтобы обеспечить их успех. Военная история занимается тем же, но уже на базе операций и боев прошлого, выявляя их положительные стороны и недостатки. Без этого военное искусство, несомненно, зашло бы в тупик, а государства и их армии потерпели неудачу в войне со всеми ее трагическими последствиями.

Сторона, решившаяся начать операцию вторжения, безусловно, рассчитывает на ее успех. Для этого она должна предварительно детально изучить противника, предпринять огромные усилия, пойти на большие материальные затраты, провести колоссальную работу на всех уровнях управления. Недоработка хоть на одном из указанных направлений чревата самыми тяжелыми последствиями. В новейшей отечественной истории примерами такой недалекости могут служить операции по вторжению в Польшу в 1920 году, в Финляндию в 1939 году. Очень много ошибок было допущено и при вводе советских войск в Афганистан в 1979 году...

При этом нужно сказать о том, что механизм подготовки операций по вторжению в отечественной историографии раскрыт очень слабо. Причин этого несколько. Во-первых, решения на подобные операции принимались на высшем военно-политическом уровне, тщательно скрывались, а затем надежно секретились. Во-вторых, широкий круг читателей больше интересовали сами действия при вторжении, чем их подготовка.

Операция по вторжению советских войск на территорию Польши в 1920 году достаточно широко обсуждалась в военно-научных кругах. Тогда многие из бывших военачальников Российской императорской армии, поступив на службу Страны Советов, верили, что новый государственный строй допускает широкую критику ошибок и просчетов, которых в ходе этой операции было немало. Они глубоко ошибались, так как за этими ошибками и просчетами стояли конкретные люди, не желавшие слышать критику в свой адрес. В их числе были такие видные политические фигуры того времени, как И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, М.Н. Тухачевский, С.М. Буденный и другие. Поэтому наиболее ярые критики (А.А. Свечин) вскоре оказались репрессированными и были расстреляны, а сами критические материалы фактически уничтожены.

Вполне понятно, что события с участием Советских вооруженных сил конца 30-х – начала 40-х годов (война в Испании, освободительные походы Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, советско-финляндская война) подавались народу и даже военным специалистам очень дозированно. Только в постсоветский период начали появляться материалы итоговых совещаний Наркомата обороны периода 1937–1940 годов, а затем и некоторые обобщенные научные труды по военной истории того периода. К сожалению, практиче-

ски все они были сильно политизированы, преследовали цель разоблачить агрессивную сущность советского руководства. Вопросам военного искусства места отводилось очень мало, вплоть до сухой констатации событий без их углубленного анализа.

О вводе советских войск в Иран в августе 1941 года в СССР было известно только очень узкому кругу военных историков, а связанные с ним документы были строго засекречены. Даже в постсоветский период по этой теме было написано всего несколько статей, а руководящие документы так и не выведены из-под грифа «совершенно секретно». Поэтому данный материал приходилось собирать фактически по крупицам, в основном по статьям Н.Ф. Ковалевского, А.Ш. Салихова, Ф.П. Ходеева, А.В. Басова и Г.И. Гутенмахера, опубликованы в Военно-историческом журнале.

Сразу же нужно сказать, что вопросы подготовки и хода советско-японской войны в советской историографии рассмотрены достаточно хорошо. Причиной тому стало то, что долгое время эту войну советские историки рассматривали как составную часть Великой Отечественной войны, операции завершающего периода которой также описаны прекрасно. В первые десятилетия после окончания Великой Отечественной войны именно победные операции 1944 и 1945 годов стали предметом многочисленных научных исследований, разработки кандидатских и докторских диссертаций. Огромный вклад в дело освещения вопросов подготовки и ведения операции в Маньчжурии внес труд крупного военного историка Л.Н. Внотченко «Победа на Дальнем Востоке», который был разработан на основе его кандидатской и докторской диссертаций. Также не лишним будет сказать и о том, что сам Л.Н. Внотченко долгое время преподавал на кафедре истории военного искусства Военной академии имени М.В. Фрунзе, а затем возглавлял такую же кафедру Военной академии бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского.

Операция по вводу советских войск на территорию Венгрии (1956 год) в советские времена также широко не афишировалась. В Большой Советской энциклопедии (Т. 4) издания 1971 года о контрреволюционном мятеже в Венгрии говорится исключительно как о политическом явлении и ни слова о его подавлении советскими войсками. Точно так же «освещались» и события, имевшие место в Чехословакии в 1968 году. Правда, уже в 1998 году вышла в свет книга бывшего командующего 38-й армией А.М. Майорова «Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельства командарма», в которой он достаточно подробно освещены чешские события 1968 года. Также достаточно хорошо об этих событиях было сказано в труде Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века», изданном в 2002 году. Кроме описания событий в нем были помещены некоторые документы того периода и даны сведения обо всех погибших советских воинах в ходе этих операций. Затем на данную тему начали появляться статьи в журналах и газетах, особенно либеральной направленности.

Правда, в народе об этом и раньше говорили немало. В 1972 году я после окончания военного училища был направлен для дальнейшего прохождения службы в 128-ю мотострелковую дивизию, штаб которой и один из полков размещались в Мукачеве, второй полк и отдельный разведывательный батальон – в Берегове, остальные части – в Ужгороде и других городах Закарпатья. Ветераны этой дивизии участвовали в венгерских событиях 1956 года и вводе советских войск в Чехословакию в 1968 году. Безусловно, рассказов и воспоминаний было очень много.

Во время моей учебы в Военной академии имени М.В. Фрунзе ее начальником был генерал армии Г.И. Обатуров, дивизия которого сыграла решающую роль в венгерских событиях. Однажды он в узком кругу преподавателей и слушателей достаточно подробно рассказывал об этом, и я присутствовал на той встрече. Значительно позже, уже в Москве, я неоднократно встречался с Е.И. Малащенко, который был участником венгерских событий, писал об этом, а рассказывал еще больше.

Подготовка к вторжению (вводу войск) в Афганистан также раскрыта очень слабо. Лучшей в этом плане является работа В.А. Богданова «Афганская война: Воспоминания». Автор по своим функциональным обязанностям как начальник Южного операционного направления принимал непосредственное участие в разработке документов по вводу войск в Афганистан, а также осуществлял управление войсками в ходе всех боевых действий соединений 40-й армии. Более того, со 2 января 1977 по 15 февраля 1979 года генерал В.А. Богданов входил в состав оперативной группы Министерства обороны СССР по свертыванию боевых действий и выводу советских войск из Афганистана. Но даже этот человек, начиная работу над книгой, пишет: «В архивах не было никаких материалов, которые бы позволили документально проследить порядок и процедуру принятия решения на ввод советских войск в Афганистан. Не поступали и исполнительные документы – Указ Президиума Верховного Совета СССР или Постановление Совета Министров СССР с задачами войскам. Все указания политического руководства по афганскому вопросу доводились только устно через министра обороны СССР Д.Ф. Устинова» (Богданов В.А. Афганская война: Воспоминания. М.: Советский писатель, 2005. С. 39).

В отношении войны в Афганистане у меня сложились особые отношения.

Я учился в Военной академии имени М.В. Фрунзе в период с 1982 по 1985 год. Тогда вместе со мной училось много ребят, прибывших из Афганистана. В их числе были Герой Советского Союза Руслан Аушев, участник штурма дворца Амина Валерий Востротин, известный в последующем генерал Александр Лебедь и многие другие. Мы с глубоким уважением смотрели на этих офицеров, грудь которых украшали боевые ордена и нашивки за ранения, с трепетом слушали их рассказы, особенно о недостатках и проблемах, выявленных в ходе боевых действий.

Нужно сказать, что в то время по какой-то причине советским и высшим военным руководством истинные масштабы и ход боевых действий в Афганистане тщательно скрывались не только от советского народа, но и от военных специалистов, в том числе от преподавателей и слушателей Военной академии имени М.В. Фрунзе. Поэтому нас продолжали готовить к возможной войне исключительно применительно к условиям западного театра военных действий. При наличии сплошной линии фронта мы наступали на противника после мощного огневого воздействия при высокой плотности артиллерии и авиации, развивали успех подвижными формированиями танковых войск. Для условий Афганистана при ведении боевых действий партизанского характера все это было неприемлемо.

Я вернулся в Военную академию имени М.В. Фрунзе в качестве преподавателя кафедры истории военного искусства в конце 80-х годов. Тогда начальником кафедры мне было поручено разработать цикл занятий, связанных с военным искусством в локальных войнах. Безусловно, основной упор был сделан на войну в Афганистане. Но в связи с тем, что даже у преподавателей академии свободного доступа к боевым документам штабов соединений и штаба 40-й армии не было, то приходилось начинать с разработки сборника боевых примеров, активное участие в подготовке материалов к которому принимали слушатели и преподаватели академии – непосредственные участники боевых действий в Афганистане.

В начале 90-х годов, продолжая работу по данной тематике, я начал создавать уже более обобщенную работу в виде капитального труда по военному искусству. Но когда эта книга уже была готова, оказалось, что ни Министерству обороны Российской Федерации, ни Воениздату не интересна эта тема. Однако в 1994 году началась война в Чечне, которая по своему характеру имела очень много схожих черт с войной в Афганистане (горная местность, партизанский характер действий противника и многое другое). Только благодаря этому афганскую тему удалось внедрить в учебный процесс Военной академии имени М.В. Фрунзе и опубликовать несколько тематических статей.

В 1997 году, вскоре после того, как мой однокашник А.И. Лебедь подписал позорную для России и ее вооруженных сил Хасавюртовскую сделку, я снова по военным инстанциям

начал предлагать к изданию рукопись книги по Афганистану, но снова получил отказ. И так повторялось не раз – в конце 90-х в России решались задачи, связанные с окончательным переделом собственности и до вооруженных сил никому не было дела. Не помогли даже ходатайства отставного министра обороны И.Н. Родионова и бывшего начальника Генерального штаба В.Н. Лобова, которые новым руководством Генерального штаба не были услышаны.

Вполне понятно, что, увлекшись другими темами, я постепенно начал терять интерес к теме войны в Афганистане. Позже я случайно узнал, что вышедший в Военной академии имени М.В. Фрунзе в конце 80-х сборник боевых примеров и отдельные разделы книги были изданы в США накануне ввода войск этой страны в Афганистан.

Только в 2008 году рукописью книги «Афганская война: боевые операции» заинтересовалось коммерческое издательство «Яуза», входившее в группу издательств «Эксмо». Тогда впервые эта книга увидела свет, затем она выдержала еще семь изданий...

Советский Союз периода горбачевской «перестройки» и Российская Федерация периода 90-х – начало 2000-х годов настолько потеряли политическое «лицо» в международном отношении, что и в военном плане стали не интересны США и Западу. Те от них имели все, что хотели, расплачиваясь за это «ножками Буша», бананами и другими дешевыми товарами. Поэтому операция российских войск по вторжению на территорию Южной Осетии в 2008 году для США и Запада стала большой неожиданностью. Правда, и в российской военно-исторической литературе эта операция отражена крайне недостаточно. Лучшими в этом плане являются книги Джемали О.Г. «Война. Хроника пяти дней» (2008) и Цыгана А. «Война 08.08.08. Принуждение Грузии к миру» (2011).

Однако после 2008 года ведущие военные институты блока НАТО начали заниматься всерьез Российской Федерацией, готовя разнвариантные политические, экономические, идеологические и военные операции. А после того как произошли события 2014 года, эта подготовка еще более усилилась, выбрав ареной для противоборства территорию Украины.

В данной книге я, как противник любых насильственных действий, не ставлю целью научить кого-либо тому, как нужно готовить и проводить операцию по вторжению. В то же время как профессиональный военный историк, имеющий богатый опыт подготовки командиров и военачальников, я в очередной раз хочу показать всю сложность работы политических руководителей, командующих (командиров) и их штабов при подготовке и осуществлении намеченных планов, цену допущенных ошибок. Хочется надеяться, что эта книга заставит кого-либо из них хорошо задуматься прежде, чем решаться на какие-либо конкретные действия такого характера.

Советско-польская война 1920 года

К декабрю 1919 года руководителям Антанты стало ясно, что войска А.В. Колчака и А.И. Деникина, на которые они делали ставку, разгромлены войсками Красной армии. Оставалась надежда на сосредоточенные в Крыму войска П.Н. Врангеля, но им нужна была серьезная помощь.

К тому времени Польша, доведя свою армию до 700 тысяч штыков и сабель, по мнению Запада, уже была готова к полномасштабной войне на востоке, надеясь возродить могущество Речи Посполитой в границах 1772 года (от Балтийского моря до Черного моря).

6 марта 1920 года польские войска начали наступление в Белоруссии, захватив Мозырь и Калинковичи. 19 марта 1920 года правительство Польши объявило предварительные условия соглашения с РСФСР. Они включали «признание независимости всех государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи и в настоящее время фактически уже имеющих правительства». При этом советская сторона должна была «взять на себя обязательство не оказывать никакого влияния на их внутренний строй, оставляя за ними полную свободу».

Между тем с марта 1920 года польское военное командование готовилось к военной операции на Украине. 22 и 24 апреля соответственно были подписаны политический договор и секретная военная конвенция с Директорией во главе с С. Петлюрой. 7 мая польские войска вступили в оставленный частями Красной армии Киев, а затем полякам удалось создать плацдармы на левом берегу Днепра глубиной до 15 километров. К тому времени польская армия насчитывала 148 тысяч человек, была оснащенная как оружием бывшей Российской императорской армии, так и новым оружием, поставленным ей странами Антанты. Подготовкой командных кадров занимались также французские офицеры, которые в качестве советников находились во всех штабах от полка и выше.

Несмотря на это, в начале второй половины мая наступление интервентов на Украине выдохлось. Они были остановлены на огромном фронте – от устья Припяти, по правому берегу Днепра с небольшим плацдармом на его левом берегу в районе Киева, восточнее и южнее Белой Церкви, Липовца, Гайсина, Ямполья (на реке Днестр). Главнокомандующий польской армией Юзеф Пилсудский 15 мая вынужден был констатировать: «Мы ударили кулаком по воздуху – прошли большое расстояние, а живой силы противника не уничтожили».

Польским войскам противостояли войска Юго-Западного (командующий А.И. Егоров) и Западного (командующий В.М. Гиттис, с 20 апреля – М.Н. Тухачевский) фронтов.

Справка

Егоров Александр Ильич (1883–1939). Родился в городе Бузулуке Оренбургской губернии. В 1905 году окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Участник Первой мировой войны: командир роты, батальона, полка, полковник. В РККА с 1918 года, с августа командующий армией Южного фронта, руководил обороной Царицына, где познакомился с И.В. Сталиным. С октября 1919 года – командующий войсками Южного, с января 1920 года – Юго-Западного фронтов. С января 1921 года – командующий войсками Киевского, Петроградского военных округов, одновременно командующий войсками Западного фронта. С февраля 1922 года – командующий Кавказской Краснознаменной армией. С мая 1924 года – командующий вооруженными силами Украины. С 1925 года – военный атташе в Китае, с 1927 года – командующий войсками Белорусского военного округа. С 1931 года начальник штаба (с 1935 года – Генерального штаба) РККА. Арестован 7 марта 1938 года. Решением

Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 февраля 1939 года приговорен к расстрелу «за участие в антисоветском, военно-фашистском заговоре». Реабилитирован с 1956 году. Маршал Советского Союза (1935), награжден четырьмя орденами Красного Знамени (1919, 1921, 1924, 1928), Почетным революционным оружием (1921).

По состоянию на апрель 1929 года они вначале насчитывал около 65,3 тысячи штыков и сабель, значительно уступая по силам противнику. Но затем на Украину и в Белоруссию началась переброска советских войск с Сибири, Урала и Кавказа, в том числе 1-й Конной армии С.М. Буденного. Соотношение сил постепенно начало выравниваться.

28 апреля советским руководством был утвержден стратегический план разгрома польских интервентов в Белоруссии и на Украине. Главный удар наносил Западный фронт, второй удар – Юго-Западный фронт.

Выполняя этот план, в мае 1920 года войска Западного фронта довольно успешно провели майскую наступательную операцию, создав благоприятные условия для осуществления войсками Юго-Западного фронта Киевской наступательной операции. В результате этих операций советские войска начали продвижение на запад. 10 июля поляки оставили Бобруйск, 11 июля – Минск, 14 июля части РККА взяли Вильно. 26 июля в районе Белостока РККА перешла уже непосредственно на польскую территорию, а 1 августа, несмотря на приказы Пилсудского, советским войскам почти без сопротивления был сдан Брест. На южном направлении 9 июля был взят Проскуров, 10 июля части 1-й Конной армии заняли Ровно, 12 июля 14-я армия штурмом овладела Каменец-Подольским, советские части завязали бои за Львов. В результате за короткий период времени Красная армия продвинулась более чем на 600 километров.

Стремительное наступление Красной армии сильно озадачило Запад. 11 июля 1920 года британский министр иностранных дел лорд Д. Керзон направил наркому иностранных дел Советской России Г.В. Чичерину ноту с предложением начать польско-российские мирные переговоры и установить границу по этнографической линии проживания польского и непольских народов (линия Керзона). Однако 16 июля пленум ЦК РКП(б) отверг предложение Керзона и принял решение о продолжении «Красного марша» с целью установления советской власти сначала в Польше, а затем – в Германии. По постановлению Пленума 23 июля в Смоленске, при штабе Западного фронта, был сформирован Временный революционный комитет Польши (Польревком), который должен был принять на себя всю полноту власти после взятия Варшавы и свержения режима Пилсудского. Л.Д. Троцкий в своей книге «Моя жизнь» пишет, что главным инициатором польского похода был В.И. Ленин, который верил в подготовленность польского пролетариата к революции извне. Но нужно помнить, что и сам председатель РВС Республики был ярким сторонником экспорта революции.

1 августа, находясь в Белостоке, Польревком огласил «Обращение к польскому рабочему народу городов и деревень», написанное Дзержинским. В «Обращении» сообщалось о создании Польской советской республики, о национализации земель, отделении церкви от государства, а также содержался призыв к рабочей массе гнать прочь капиталистов и помещиков, занимать фабрики и заводы, создавать ревкомы в качестве органов власти. Польревком также призвал к бунту против своего командования и солдат Войска Польского с целью создания в последующем Польской красной армии.

Политическая обстановка в самой Польше ухудшалась. 24 июля правительство В. Грабского подало в отставку. Пилсудский своим указом был вынужден назначить на эту должность В. Витоса. Возникла угроза и со стороны Германии, которая надеялась на новый раздел Польши в случае победы Советской России. Нейтральную позицию заняла Чехословакия. И только Венгрия, где совсем недавно с огромным трудом удалось подавить революционные выступления, предложила Польше существенную военную помощь в виде 30-тысячного кор-

пуга добровольцев, однако реализовать на практике эту операцию не удалось. В июле Варшаву начали покидать дипломатические представительства иностранных государств.

Но Пилсудский и его штаб не собирались складывать оружие. В Польше была проведена дополнительная мобилизация, в результате которой под ружье дополнительно было поставлено еще свыше 170 тысяч человек. Франция поставила ей в значительных размерах технику и вооружение, направила военных специалистов во главе с генералом М. Вайганом.

Итак, политиками решение принято. Настало время военных стратегов провести это решение в жизнь, уяснив обстановку, приняв решение и реализовав его на практике.

Обстановкой польское командование владело достаточно хорошо. Операции предстояло вести на хорошо известной территории, заселенной этническими поляками, традиционно враждебно относившимися к России, веками мечтавшими о своем государстве. После оставления территории Польши русскими войсками в 1925 году националистические настроения там постоянно усиливались, а революционные настроения незначительного рабочего класса были весьма слабыми. В результате территория и население Польши способствовали реализации оборонительных планов.

Серьезный вклад в знание обстановки польским командованием вносило и то, что с августа 1919 года шифровальный отдел Главного штаба Войска Польского смог взломать шифры РККА. После этого по личному приказу Пилсудского было немедленно сформированы подразделения шифровальщиков, которое возглавил поручик Ян Ковалевский, и сеть радиостанций перехвата. Ковалевский привлёк к работе выдающихся математиков, профессоров Варшавского и Львовского университетов с группой молодых аспирантов. В результате были взломаны практически все шифры советских руководящих органов, что давало ясную картину всего происходящего на территории России от Петрограда до Сибири, от Мурманска и до Чёрного моря. Только летом 1920 года шифровальный отдел Ковалевского ежемесячно принимал до 500 советских радиogramм, подписанных Л.Д. Троцким, командующими советскими фронтами и армиями.

Знание обстановки позволяло польскому командованию правильно распределять по фронту обороны имевшиеся у него силы и средства, тем более что они с обеих сторон были примерно равными и не превышали 200 тысяч человек с каждой стороны. Но при этом нужно понимать следующее. Во-первых, обороняющийся всегда имеет преимущество перед наступающим. Во-вторых, знание обстановки позволяет основные силы сосредоточить в нужное время в нужном месте, благодаря чему можно временно достичь превосходства над противником. Правда, для этого нужно принять соответствующее решение.

Такое решение польским штабом принималось в ночь на 6 августа 1920 года совместными усилиями Ю. Пилсудского, генерала Т. Розвадовского, полковника Т. Пискора и шефа франко-британской миссии в Польше генерала М. Вейгана. Замысел предусматривал концентрацию крупных сил польской армии на реке Вепш и внезапный удар в тыл войск Западного фронта. Для этого из двух армий Центрального фронта генерала Э. Рыдз-Смиглы была сформирована ударная группа, состоявшая из пяти пехотных дивизий и отдельной кавалерийской бригады. Остальные войска вооруженных сил Польши должны были вести на своих направлениях сковывающие действия, с тем чтобы воспрепятствовать врагу переброску сил на главное направление.

В отличие от польского командования, имевшего единый штаб руководства, с советской стороны к предстоящей операции самостоятельно готовились штабы Юго-Западного и Западного фронтов. Общего органа управления создано не было, личные амбиции каждого из командующих буквально зашкаливали. Особенно в этом деле старался 27-летний М.Н. Тухачевский, возмнивший себя Наполеоном XX века.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937). В 1914 году окончил Александровское военное училище. Участник Первой мировой войны, поручик. В феврале 1915 года после тяжелого боя взят немцами в плен, вернулся в Россию в августе 1917 года. В Красной армии с начала 1918 года. Работал в Военном отделе ВЦИК, был комиссаром обороны Московского района, командовал армиями, с февраля 1920 года – Кавказским, с апреля 1920 года – Западным фронтами. В 1921 году командовал 7-й армией при подавлении Кронштадтского восстания и руководил подавлением Тамбовского восстания. В 1921–1922 годах – начальник Военной академии РККА. С 1922 года – командующий Западным фронтом, с 1924 года – заместитель начальника штаба РККА, с 1928 года – командующий войсками Ленинградского военного округа. С 1931 года – заместитель наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА. В 1937 году арестован, расстрелян. Маршал Советского Союза (1935), награжден орденами Ленина (1933), Красного Знамени (1919), Почетным революционным оружием (1919).

Под стать командующему Западным фронтом были командующий 15-й армией А.И. Корк, 3-й армией В.С. Лазаревич, командир 3-го конного корпуса 4-й армии Г.Д. Гай и многие другие красные командиры. Несколько осторожнее в своих прогнозах были командующий 16-й армией Н.В. Соллогуб и командующий 4-й армией А.Д. Шуваев – оба выпускники Николаевской академии Генерального штаба, работавшие в годы Первой мировой в оперативных отделах штабов армий. Но красные командиры предпочитали не прислушиваться к их мнению.

Правда, для уточнения обстановки на месте в Минск выехал главком С.С. Каменев и 23 июля приказал М.Н. Тухачевскому ускорить наступление, с тем чтобы не позднее 12 августа овладеть Варшавой «в связи с особыми условиями военно-политической обстановки... не придерживаясь указанными сроками, дабы в ближайшие дни выиграть возможно большее пространство и нанести возможно большее поражение противнику» (Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сборник документов. М., 1969. С. 643–645).

В то же время войска Юго-Западного фронта занимали благоприятное положение для удара во фланг главной группировке польских войск, отходивших под натиском Западного фронта на Варшаву. Однако ни главнокомандующий С.С. Каменев, ни начальник Полевого штаба РККА П.П. Лебедев не смогли убедить Л.Д. Троцкого отдать приказ командующему Юго-Западным фронтом на проведение такого удара. Более того, направление главного удара для этого фронта менялось с Варшавского на Львовское. По всей видимости, в личном разговоре М.Н. Тухачевский смог убедить председателя Реввоенсовета Республики в том, что сможет собственными силами взять Варшаву. Поэтому Реввоенсовет Республики, по существу, отказался от своего первоначального плана согласованного наступления обоих фронтов на Варшаву по сходящимся направлениям.

Началось сражение Западного фронта в районе Варшавы, позже получившее название «сражение на Висле». Оно включало два этапа: первый – с 13 по 15 августа, когда советские войска, ведя ожесточенные наступательные бои на подступах к Варшаве и Новогеоргиевску, добились наибольших успехов, второй – с 16 по 25 августа, когда противник перешел в контр-наступление и вынудил войска Западного фронта к отходу на восток.

На первом этапе особенно ожесточенные бои развернулись 13 и 14 августа на северо-восточных подступах к Варшаве. Начало им было положено успешными действиями 21-й стрелковой дивизии 3-й армии и 27-й стрелковой дивизии 16-й армии, которые 13 августа прорвали вражеские укрепления у Радимины, находящегося в 25 километрах от Варшавы, и

овладели этим населенным пунктом. Однако этот успех из-за отсутствия резервов и отставания остальных дивизий 16-й армии не был своевременно развит.

Польское командование в полдень 14 августа двинуло в наступление 5-ю армию к северу от Варшавы и одновременно подтянуло в район Радимина свои фронтовые и армейские резервы в составе двух дивизий. В результате этого бои развивались с нарастающей силой на всем фронте, и Радимин несколько раз переходил из рук в руки.

Соединения 16-й армии пытались вернуть Радимин, но не смогли это сделать. Дело в том, что они выходили к этому городу не одновременно и вели бой на широком фронте, поэтому их попытки прорваться через первую линию неприятельских укреплений не имели успеха.

Вскоре сказалось и отставание тылов. Так, всю ночь с 15 на 16 августа противник вел интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь по фронту 15-й и 3-й армий, а советские части из-за недостатка снарядов и патронов отвечали молчанием.

С утра 16 августа поляки перешли в наступление, нанося удар на стыке 15-й и 3-й армий, и начали теснить советские войска к северо-востоку от Вкры. Позже заместитель начальника Полевого штаба РККА С.А. Пугачев писал: «Хотя в тот же день 33-я стрелковая дивизия 15-й армии атаковала противника в Цеханове и отбросила прорвавшуюся туда конницу, захватив при этом 1200 пленных, этот частичный успех уже не смог повлиять на общую обстановку. К исходу 16 августа дивизии 15-й и 3-й армий, оставшись без боеприпасов и резервов, вынуждены были отойти на линию восточное Новогеоргиевска».

В тот же день на варшавском направлении после сильной артиллерийской подготовки перешла в контрнаступление 1-я польская армия и потеснила правый фланг советской 16-й армии за реку Ржондзку.

На рассвете 17 августа начала наступление южная ударная группа польских войск. Легко прорвав растянувшуюся редкую цепочку Мозырской группы, противник занял Ново-Минск, Седлец, Вялу (Бяла-Подляска), выйдя во фланг и тыл 16-й армии. Инициатива, следовательно, перешла в руки врага. Его южная ударная группа подходила к Западному Бугу, а 5-я армия, стремясь отрезать войска советской 4-й армии в Данцигском коридоре, продвигалась на север.

Наступление польских армий на север и северо-восток, во фланг и тыл Западного фронта, создало чрезвычайно тяжелое положение, особенно для 4-й армии. В этих условиях М.Н. Тухачевский настоял на передаче ему из состава Юго-Западного фронта 12-й и 1-й Конной армий. 17 августа он отдал директиву, в которой приказывал 12-й армии продолжать наступление в направлении Хелм, Любартов, а 1-й Конной – сосредоточиться в районе Владимира-Волынского для последующего удара в тыл южной ударной группы противника (Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 3. М., 1974. С. 84–85).

Однако командующему Западным фронтом не удалось реализовать это решение. Только 19 августа около полуночи было получено донесение, подписанное С.М. Буденным и К.Е. Ворошиловым. Они докладывали, что в связи с сосредоточением под Львовом очень крупных сил противника, чего в действительности не было, вывод армии из боя может катастрофически отразиться на всем Юго-Западном фронте. Одновременно они заверяли, что за два-три дня возьмут Львов (Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов. Т. 3. М., 1961. С. 361).

М.Н. Тухачевский был буквально взбешен поведением командования 1-й Конной армии и немедленно пожаловался Л.Д. Троцкому. И уже 20 августа С.М. Буденный получил приказ председателя РВСР, предписывающий срочно выполнить директиву командования Западного фронта. Только после этого 1-я Конная армия прекратила наступление на Львов и начала выводить свои части из боя. После ее ухода задача по овладению Львовом была возложена на войска 14-й армии, однако та не имела для этого необходимых сил и средств. Её войска под натиском превосходящих сил польской армии вынуждены были вначале перейти к обороне, а затем начать отступление на восток.

Войска Западного фронта начали отход. М.Н. Тухачевский пытался управлять им, но неудачно. Взаимодействие между армиями и дивизиями не было, организовать его при отсутствии связи было практически невозможно.

Хуже всего обстояло дело в 4-й армии, командующий которой, не получив вовремя команды, начал с опозданием отводить войска из Данцигского коридора. 15-я и 3-я армии по той же причине оказались не в состоянии удерживать коридор, необходимый для отхода войск 4-й армии. Поэтому 4-я армия была отрезана от основных сил фронта и вынуждена была отойти на территорию Восточной Пруссии, где была интернирована. Такая же участь постигла две дивизии 15-й армии и 3-й конный корпус, который границу Восточной Пруссии перешел 26 августа. Уцелевшие соединения Западного фронта к 25 августа отошли на рубеж Липск, Свислочь, 15 километров восточнее Брест-Литовска и далее на Западный Буг. Штаб фронта вернулся в Смоленск, при отступлении лишились большого количества артиллерии и другого военного имущества.

* * *

12 октября 1920 года в Риге между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, был подписан «Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира». Обе договаривающиеся стороны признавали независимость советских Украины и Белоруссии. Однако Польше удалось добиться отторжения от этих республик их западных областей. Обе стороны обязались прекратить военные действия 18 октября. В этом договоре, кроме территорий, поляки требовали гигантскую для того времени сумму – 300 миллионов золотых рублей. В результате «торга» они получили 30 миллионов золотых рублей и еще на 18 миллионов различного имущества.

В отечественной и зарубежной историографии существуют различные мнения о причинах неудачи советских войск в операции по вторжению на территорию Польши. Р.Б. Гуль, например, большую часть вины возлагает на Михаила Тухачевского, «выпеченного из деспотического теста, готового «таранить» Европу любыми средствами, вплоть до массовых расстрелов своих же бойцов, склонного к авантюризму ради личной славы». Но это сугубо субъективное мнение в духе конца 80-х – начала 90-х годов.

Впервые серьезная в научном плане критика действий командующего Западным фронтом прозвучала на заседании ВНО Военной академии РККА, на котором М.Н. Тухачевский, назначенный начальником этого военно-учебного заведения, решил сделать доклад по Варшавской операции. На этом заседании присутствовало много военспецов из числа офицеров и генералов бывшей императорской армии, которые в то время преподавали в академии. В их числе бы А.А. Свечин, отличавшийся своими глубокими знаниями военного дела и резкими, бескомпромиссными суждениями. Решившись на этот доклад, Михаил Николаевич рассчитывал прежде всего на поддержку со стороны слушателей – членов ВНО, которые откровенно недолюбливали старых военспецов. Так, характеризуя работу ВНО того периода, один из его участников – И. Ключко – позже писал: «Сознание глубокого утопизма того, что преподносилось кафедрой под именем «военной науки», основанной на принципах идеалистической теории, неизбежно толкало ВНО на путь борьбы за новую основу военного знания. Мы выступали против устарелых догм. Это был период стихийной критики, безудержного наступления «без закрепления пройденных рубежей», постановки широчайших целей, глубокого врезания еще молодого критического плуга в еще нетронутую теоретически, но уже взрыхленную практикой революционную толщу военно-научного наследства».

Таким образом, к началу лекции, по мнению Тухачевского, аудитория была подготовлена. Но на практике это оказалось не совсем так, и основным оппонентом Тухачевского стал профессор А.А. Свечин, который в свойственной ему жесткой критической манере указал

Михаилу Николаевичу на ряд ошибок, допущенных им как командующим Западным фронтом при подготовке и в ходе операции.

Судя по статье, опубликованной Свечиным в журнале «Красные зори», в своем выступлении он сосредоточился на четырех основных моментах.

Во-первых, он обвинил командующего и штаб Западного фронта в неправильной оценке военно-политической ситуации на направлении предстоящего наступления. Было ясно, что в конце июля 1920 года Тухачевский разделял иллюзии большевистского руководства о революционном подъеме в Польше при появлении там Красной армии, чего на самом деле не произошло. Наоборот, население Польши дружно встало в ряды ее вооруженных сил для отпора агрессорам и отстаивания независимости и территориальной целостности своего государства.

Во-вторых, А.А. Свечин с научной точки зрения доказал, что сложившееся соотношение сил и средств сторон (81 тысяча против 63 тысяч штыков и сабель) и более качественная подготовка противником театра военных действий с точки зрения маневра не позволяли Западному фронту рассчитывать на успешное завершение операции без серьезного пополнения его войск резервами, которых тот не имел.

В-третьих, по мнению А.А. Свечина, Варшавская операция была обречена на неудачу и в связи с ошибкой стратегического характера – принятием главкомом решения о наступлении фронтов по расходящимся направлениям. Он не отрицал, что предложенный Тухачевским маневр по глубокому охвату Варшавы с северо-запада мог бы привести к разгрому противника. Но при этом он обвинил его в том, что, принимая рискованные решения, штаб Западного фронта не имел достаточной информации о противнике, наличии у него резервов.

В-четвертых, А.А. Свечин указал Тухачевскому на плохую организацию взаимодействия между армиями Западного фронта, что, по сути, говорило о слабой подготовке как самого командующего, так и его штаба.

Несмотря на критику со стороны Свечина и ряда других, доклад Тухачевского по действиям Западного фронта в войне с Польшей вызвал большой интерес в советских военных кругах и даже был издан отдельной брошюрой в Смоленске под общим названием «Поход на Вислу». При этом по вполне понятным причинам выступления оппонентов в этой брошюре помещены не были.

Уже позже исследователи, изучив операцию в ее неудачном исходе, прежде всего обвиняли Главное командование РККА, которое не смогло разработать план операции и организовать наступление и взаимодействие Западного и Юго-Западного фронтов.

Таким образом, война с Польшей 1920 года обернулась в конечном итоге поражением РККА и, в частности, войск Западного фронта. При этом значительная часть войск все же попала в окружение, и около 130 тысяч красноармейцев были пленены поляками.

* * *

Особой страницей этой войны стала история пребывания красноармейцев в польском плену, о которой до сих пор известно очень мало. Она не только печальная, но и трагичная.

Нужно сказать, что первые пленные красноармейцы у поляков появились уже после первого боевого столкновения частей Войска Польского и Красной армии, которое произошло в феврале 1919 года на литовско-белорусской территории. В середине мая того же года министерство военных дел Польши разработало подробную инструкцию для лагерей военнопленных, которая впоследствии несколько раз уточнялась и дорабатывалась. В ней детально прописывались права и обязанности пленных, рацион и нормы питания. Правда, на практике все это не соблюдалось.

В качестве стационарных лагерей для военнопленных поляки использовали лагеря, построенные немцами и австрийцами в период Первой мировой войны. В частности, самый

большой лагерь в Стшалкове был рассчитан на 25 тысяч человек. Условия содержания в этих лагерях были очень плохими. Поэтому сразу после появления в польских лагерях первых групп пленных красноармейцев там из-за большой скученности и антисанитарных условий содержания вспыхнули эпидемии заразных болезней: холеры, дизентерии, туберкулеза, возвратного, сыпного и брюшного тифа, краснухи, а также свирепствовавшей в то время на планете испанки. Из-за болезней, а также ран, голода и морозов в польских лагерях умирали тысячи человек.

Но особенно жестоким стало обращение поляков с советскими военнопленными после неудачного похода на Варшаву войск Западного фронта в 1920 году.

Начиналось все с того, что польские войска сдававшихся в плен красноармейцев просто уничтожали. Так, в рапорте офицера Войска Польского Вдовишевского от 9 сентября 1920 года сказано: «Командование 3-й армии издало подчиненным частям секретный приказ о применении в отношении вновь взятых пленных репрессий как возмездия за убийства и истязания наших пленных», на основании чего 24 августа под Млавой были расстреляны 200 красноармейцев из 3-го кавалерийского корпуса Г.Д. Гая. «Комиссаров живыми наши не брали вообще», – свидетельствует очевидец тех событий польский историк М. Хандельсман.

Захваченных в плен раненых красноармейцев, как правило, поляки добивали или просто бросали на поле боя. Так, командир 14-й Великопольской пехотной дивизии 12 октября 1920 года докладывал своему командованию о том, что «за время боев от Брест-Литовска до Барановичей взято в общей сложности 5000 пленных и оставлено на поле боя около 40 % названного числа раненых и убитых большевиков». Причем в ряде случаев в убийствах участвовали и местные крестьяне, которые таким образом «охотились» за одеждой и обувью. Так, после Варшавского сражения в польском военном журнале «Беллона» сообщалось, что «потери большевиков погибшими на поле боя, убитыми нашими крестьянами и ранеными – очень большие».

Мародерство и грабежи для польской армии были обычным явлением. Так, один из польских офицеров докладывал своему начальству: «На фронте практикуется отбирание у пленных частей обмундирования... пленных отправляют в лагеря в лохмотьях, часто без обуви и шинелей».

Уцелевших после боя пленных красноармейцев вначале собирали в районы сбора, а затем отвозили в места, предназначенные для длительного содержания. Условия конвоирования были очень жесткие. Из дневника красноармейца Михаила Ильичёва: «Нас везли в вагонах, наполовину заполненных углём. Теснота была адская, не доезжая станции высадки, шесть человек скончались. Потом сутки нас мариновали в каком-то болотце – это чтобы мы не могли лечь на землю и спать. Потом погнали под конвоем до места. Один раненый не мог идти, мы по очереди тащили его, чем сбивали шаг колонны. Конвою это надоело, и они забили его прикладами».

Затем пленные красноармейцы были размещены в концлагерях. Там они содержались в очень жестких условиях: голод, холод, болезни, жестокое обращение. Ситуация усугублялась эпидемиями, бушевавшими в Польше в тот период. Так, только в первом полугодии 1919 года в Польше было зарегистрировано 122 тысяч заболеваний сыпным тифом, в том числе около 10 тысяч со смертельным исходом, с июля 1919 по июль 1920 года в польской армии было зафиксировано около 40 тысяч случаев болезни.

Уже непосредственно в лагерях мародерство продолжалось. Так, по свидетельству очевидцев, польская охрана у пленных забирала все, вплоть до одежды и даже нательного белья. За любые провинности жестоко наказывали, вплоть до расстрела.

Из докладной записки начальника санитарного департамента министерства военных дел Польши: «Я посетил лагерь пленных в Белостоке и сейчас, под первым впечатлением, осмелился обратиться к господину генералу как главному врачу польских войск с описанием той страшной картины, которая предстаёт перед каждым прибывающим в лагерь... Сами бараки

переполнены, среди «здоровых» полно больных. По моему мнению, среди 1400 пленных здоровых просто нет. Прикрытые только тряпьем, они жмутся друг к другу, согреваясь взаимно. Смерд от дизентерийных больных и пораженных гангреной, опухших от голода ног... Победа над эпидемией сыпного тифа и санирование лагерей в Стшалкове, Брест-Литовске, Вадовице и Домбе – но реальные результаты в настоящий момент минимальны, потому что голод и морозы собирают жертвы, спасенные от смерти и заразы».

Из протокола 11-го заседания совместной советско-польской комиссии от 28 июля 1921 года: «...нередки случаи, что красноармейцы находятся в лагере буквально без всякой одежды и обуви и даже нижнее белье отсутствует».

Невыносимые условия содержания в лагерях вынуждены были признать и сами польские офицеры. Так, 1 февраля 1922 года полковник польского Генерального штаба Матушевский докладывал военному министру: «Особенно прославился лагерь в Тухоле, который интернированные называют «лагерем смерти». (В этом лагере умерло около 22 тысяч пленных красноармейцев.)

По итогам инспекции лагеря для пленных Полесского фронта генерал-майор медицинской службы Бернатович отмечал: «Положение противоречит всем понятиям о гигиене и человечности». Полковник медицинской службы Радзиньский, посетивший лагерь в Пиккулице, писал, что дневной рацион питания пленных крайне скуден. «Этого хватило бы, быть может, для пятилетнего ребенка», – отмечал он. Кроме того, происходит «систематическое убийство людей охраной». Заместитель начальника санитарной службы фронта майор Хакбейл о сборной станции военнопленных в Молодечно писал, что «лагерь пленных при сборной станции – это был настоящий застеноч... Человек невымытый, раздетый, плохо кормленный и размещенный в неподходящих условиях, в результате инфекции был обречен только на смерть». Комиссия Международного комитета Красного Креста сделала вывод о том, что «лагерь в Брест-Литовске представлял собой настоящий некрополь».

Также нужно сказать и о том, что помимо пленных красноармейцев в польских лагерях находились ещё две группы российских пленных. Это были солдаты старой русской армии, которые по окончании Первой мировой войны пытались вернуться в Россию из немецких и австрийских лагерей для военнопленных, а также интернированные солдаты белой армии генерала Бредова. Положение этих групп также было ужасающим: из-за хищений на кухне, пленные вынуждены были переходить на «подножный корм», которым они «разживались» у местного населения или на соседних огородах; не получали дров для обогрева и приготовления пищи. Руководство белой армии оказывало этим пленным небольшую финансовую поддержку, что частично облегчало их положение. Помощь со стороны западных государств польскими властями блокировалась. По воспоминаниям Циммермана, бывшего адъютантом Бредова: «В военном министерстве сидели почти исключительно «Пилсудчики», относившиеся к нам с нескрываемой злобой. Они ненавидели старую Россию, а в нас видели остатки этой России».

После установления Рижского предварительного мира между Советской Россией и Польшей и подписания 18 марта 1921 года трехстороннего мирного договора Советское правительство предпринимало меры по освобождению своих граждан, находившихся в польском плену. Так, в сентябре 1920 года в Берлине между организациями Польского и Российского Красного Креста было подписано соглашение об оказании помощи находящимся на их территории военнопленным другой стороны. Эту работу возглавили видные правозащитники: в Польше – Стефания Семполовская, а в Советской России – бывшая жена М. Горького Екатерина Пешкова. Благодаря их усилиям 24 февраля 1921 года было подписано соглашение о репатриации, и в марте – ноябре 1921 года в Советскую Россию вернулись 75 699 пленных красноармейцев. Но при этом историками подсчитано, что за два года в польских концлагерях умерло порядка 60 тысяч военнопленных красноармейцев.

Из письма народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин В.И. Ленину от 26 января 1920 года

«Наиболее серьезную опасность представляет для Советской Республики в данный момент возможность польского наступления. Стремясь вовлечь Польшу в войну с Советской Россией, польские активисты действуют тем аргументом, будто бы Советская Россия готовит нападение на Польшу, которое должно быть предупреждено. В такой обстановке должно с нашей стороны тщательно избегать всего того, что может быть использовано польскими активистами для подкрепления своих обвинений».

Чичерин предлагал строжайше запретить редакциям газет публиковать статьи с призывами разгромить Польшу. А в дополнение представил план действий, который должен был предотвратить возобновление советско-польской войны. Прежде всего нарком считал, что нужно четко установить линии разграничения войск:

«Для того чтобы мы могли гарантировать, что дальше известной линии не будет происходить продвижение наших войск, эта линия должна быть точно установлена. На белорусском фронте занимаемая в настоящее время нашими войсками демаркационная линия уже является пределом, за который мы не будем наступать. На украинском фронте эта линия еще не определена, так как при обладании черноморскими гаванями необходим тыл, эта линия должна проходить западнее Киева, следовательно, по правобережной Украине. Необходимо, чтобы наши военные специалисты немедленно установили эту предельную линию нашего наступления на Украине...

...Чтобы отнять у польских активистов направленное против нас оружие, мы должны обратиться к Польше с новым заявлением, о широком распространении которого нужно будет специально позаботиться и в котором нами будет сказано как о том, что независимость Польши нами принципиально признавалась в целом ряде наших выступлений, так и о том, что ни наши, ни украинские Красные войска не будут идти дальше определенной линии...

Это заявление должно заключать в себе повторение нашего мирного предложения Польше, которое было нами сделано 22 декабря и не было доведено польским правительством до сведения польского общества. Такое заявление могло бы быть сделано в настоящий момент от имени Совнаркома, причем о нем должно быть доложено на открывающейся скоро сессии ВЦИК, которому следует предложить в торжественной форме его подтвердить...

Когда нами будет сделано заявление о предельной линии нашего наступления и о том, что мы не будем наступать на белорусском фронте, всякое нарушение нашего обещания делает совершенно невозможными для нас на будущее время дипломатические переговоры, так как этим будет подкреплено довольно распространенное представление, что с советской властью никакое соглашение невозможно, так как она никогда не сдерживает обещаний. Поэтому нужно будет предписать под страхом строжайших наказаний, чтобы дальше установленной линии боевые операции нами не производились».

Из приказа Западным фронтом М.Н. Тухачевского от 2 июля 1920 года

«Бойцы рабочей революции. Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесём счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам! Стройтесь в боевые колонны! Пробил час наступления. На Вильну, Минск, Варшаву – марш!»

Из телеграмм члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта И.В. Сталина В.И. Ленину

13 июля 1920 года

«Польские армии совершенно разваливаются, поляки потеряли связь, управление... поляки переживают развал, от которого они не скоро оправятся... Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции».

24 июля 1920 года

«Теперь, когда мы имеем Коминтерн, побежденную Польшу и более или менее сносную Красную Армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается передышки в пользу Польши... в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрять революцию в Италии <...>. В очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких неокрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)».

Из заявления И.В. Сталина в Президиум IX партийной конференции РКП(б) от 23 сентября 1920 года

«Заявление т. Троцкого о том, что я в розовом свете изображал состояние наших фронтов, не соответствует действительности. Я был, кажется, единственный член ЦК, который... открыто в печати предостерегал товарищей от недооценки польских сил (это он таким свежим образом толкует свои прежние заявления о победных перспективах своего Юго-Западного фронта и «бахвальстве» Западного фронта Тухачевского)... Если бы командование предупредило ЦК о действительном состоянии фронта, ЦК, несомненно, отказался бы временно от наступательной войны...»

Из выступления В.И. Ленин о Варшавской операции на IX Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября 1920 года

«Наше приближение доказало, что Польша нас победить не может, а мы очень недалеки от этого. Оказалось, что все это меняет международную политику. Мы, подходя к Варшаве, подошли настолько близко к центру всемирной империалистической политики, что мы стали ее делать... Во всемирной политике существуют только две силы, одна – Лига Наций, которая дала Версальский договор, а другая – Советская Республика, которая этот Версальский договор надорвала...

Мы станем резать напрямик. И мы предлагаем от имени сессии ВЦИК сказать, что зимней кампании мы не хотим. Угодно подписать мир за 10 дней – и тогда мы отказываемся от Галиции и предлагаем границу значительно восточнее линии Керзона. Как для нас эти уступки ни тяжелы, но для нас важнее избежать зимней кампании, потому что мы укрепимся в области мирного строительства. Но мы предлагаем это сделать в 10 дней...»

Из выступления И.В. Сталина на Военном совете в 1937 году по поводу брошюры Н.А. Худякова «Киевские камни»

Справка

Худяков Николай Акимович (1890–1938). Участник Первой мировой войны, подпоручик. Участник Гражданской войны: командир отряда Красной гвардии, дивизии, с апреля 1919 года – командующий 3-й Украинской советской армией, затем – стрелковой дивизий 14-й армии Юго-Западного фронта, участник советско-польской войны. С января 1920 года – военный комиссар Херсонской губернии. С 1922 года – на хозяйственной работе в Наркомате путей сообщения. С 1935 года – занимался освоением природных богатств острова Сахалин, его нефтяных запасов. С 1934 года – директор Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института цветных и благородных металлов (Ленинград). С 1936 года – начальник отдела главка «Союзгеоразведка» (Москва) Наркомата тяжелой промышленности. В 1938 году арестован «за участие в контрреволюционной террористической организации» и 26 апреля 1938 года расстрелян. Реабилитирован в 1955 году.

«...Прислал Худяков свою брошюру, не печатают. Я на основании своего опыта и прочего знаю, что, раз человек пишет, командир, бывший партизан, нужно обратить на него внимание. Я не знаю, хороший ли он или плохой, но что он путаный, я это знал...

Затем второе письмо – затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны... «Киевские камни» о 1920 годе. И они не печатают...

Я очень занят, спросил военных. Говорят – дрянная. Клима спросил – дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно, дрянная штука. Воспевает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить Конную армию, которая там решала дело, тогда и поставить во главу угла 28-ю, кажется, дивизию.

Голос. 25-ю.

Сталин. У него там дивизий много было. Знаю одно, что там мужики были довольны, что вот башкиры пришли и падаль, лошадей едят, подбирать не приходится. Вот хорошие мужики. А чтобы дивизия особенно отличалась, этого не видно.

И вот интересно, что тов. Сидякин написал предисловие к этой книге. Я тов. Сидякина мало знаю. Может быть, это плохо, что я его мало знаю, но, если судить по этому предисловию, очень подозрительное предисловие. Я не знаю, человек он военный, как он не мог раскусить орех этой брошюры. Печатается брошюра, где запятнали наших командиров, до небес возвели командование Польши. Цель брошюры развенчать Конную армию. Я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не разрешался на Юго-Западном фронте. Что он свою 28-ю дивизию восхвалял, ну бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно и что он в грязь растоптал наше командование, что он Конную армию хочет развенчать – это неправильно. Как этого тов. Сидякин не заметил. Предисловие говорит – есть недостатки вообще и всякие такие штуки, но в общем интересный, говорит, опыт. Сомнительное предисловие и даже подозрительное...» (Справка: Седякин Александр Игнатьевич, командарм 2-го ранга. Арестован 2 декабря 1937 года. Осужден и расстрелян 29 июля 1938 года.)

Испытание Испанией (1936–1938)

Падение монархии в Испании в 1931 году открыло путь к широкой политической свободе. Но при этом каждая партия предлагала свой вариант решения острых социально-политических проблем страны. Уникальные условия испанской революции позволили попытаться счастья в осуществлении своих идеалов либералам, консерваторам, фашистам, социалистам, коммунистам и даже анархистам.

15 января 1936 года социалисты, коммунисты, республиканцы и каталонские и баскские националисты, а также ряд других организаций подписали соглашение о создании Народного блока (в дальнейшем известного как Народный фронт), который вскоре практически получил власть в Испании. Но как только победил Народный фронт, консервативно настроенные генералы стали готовить переворот. Руководство подготовкой осуществляли генералы Э. Мола (псевдоним Директор), а также Ф. Франко.

17 июля 1936 года Э. Мола направил своим сторонникам телеграмму «17 в 17. Директор», и переворот начался. Восстали части, расквартированные в испанской колонии Марокко. 18 июля мятеж распространился на территорию Испании. Армия брала под контроль ключевые центры испанских городов.

В ответ на это профсоюзы и социалистические партии объявили мобилизацию общества и добились раздачи оружия народу. В результате этого мятежники встретили в городах энергичное сопротивление. Но при этом борьба с мятежом сопровождалась актами насилия и вандализма. Вся ненависть, накопившаяся у городских низов к старой власти, вышла наружу: бойцы левых движений и просто уголовные элементы убивали офицеров и священников, жгли церкви, которые считали символом идеологического деспотизма предыдущих веков. Страна раскололась на два лагеря: республиканский и франкистский.

25 июля Гитлер получил письмо Франко с мольбой о поддержке. 28 июля транспортные самолеты Германии и Италии стали перебрасывать мятежные войска из Марокко в Испанию. Только в 1936 году Германия поставила мятежникам 173 самолета, а Италия – 114. Вскоре к франкистам из этих стран стали прибывать боеприпасы и инструкторы. Благодаря поддержке немцев в августе – сентябре 1936 года два очага мятежа соединились, пали Касерес и Талавера. После этого Франко, провозглашенный генералиссимусом, начал наступление на Мадрид.

В это время в Испанию начали отовсюду прибывать добровольцы левых взглядов, которые вступали в интернациональные бригады, сражавшиеся против франкистов. Преимущество многих из них над испанцами заключалось в том, что они прошли школу Первой мировой войны.

Но для того чтобы сражаться, нужно было оружие. А современное оружие можно было получить только за границей. Однако Франция, опасаясь столкновения с Германией и Италией, обратилась ко всем заинтересованным странам, включая Великобританию, Германию, Италию, СССР и США, с предложением организовать режим «невмешательства» в испанские дела, полностью исключив поставку в этот очаг конфликта военных материалов.

Получив предложение Франции о невмешательстве, заместитель наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский докладывал Сталину: «Мы не можем не дать положительный или дать уклончивый ответ, потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам».

Тем не менее 9 сентября 1936 года был создан Международный комитет по невмешательству, в который вошли 27 государств. В него вступили также Германия, Италия и СССР. Советскому Союзу и Испанской республике казалось, что если фашистские страны не будут помогать Франко, то республиканцы своими силами справятся с мятежом.

Однако всерьез «невмешательство» собирались выполнять только либеральные режимы, особенно Франция, перепуганная близостью к ее границам войны и революции. СССР способствовал закупкам оружия Испанской республикой через Чехословакию и Мексику. Германия и Италия перебрасывали в Испанию оружие, боеприпасы, военную технику и даже войска через Португалию.

24 октября 1936 года СССР заявил, что не может считать себя «связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из участников». Соглашение превратилось «в ширму, прикрывающую военную помощь мятежникам», и СССР будет считать себя свободным от обязательств, если немедленно не прекратится помощь Франко со стороны Германии и Италии. Первый пароход с советским оружием прибыл в Испанию 14 октября (десятью днями ранее советское оружие привез испанский пароход). С этого времени СССР, Германия и Италия вмешивались в конфликт в Испании практически открыто.

СССР поставил республике 806 самолетов, 362 танка, 120 бронемашин, 1555 орудий, 500 тысяч винтовок. Поставки советского оружия оплачивались за счет золотого запаса Испании, часть которого была направлена в СССР. Этот запас был исчерпан только к концу 1938 года, и лишь последние, уже нерегулярные, поставки были произведены «в кредит».

Вслед за оружием в Испанию стали прибывать и советские военные специалисты, а также сотрудники НКВД. Советских советников возглавлял Я.К. Берзин (псевдоним Доницетти), важную роль играл военный атташе В.Е. Горев (Санчо). В 1937–1938 годах главным военным советником был Г.М. Штерн, затем – К.М. Качанов. Советником по авиации сначала был назначен Б.Ф. Свешников, по артиллерии – Н.Н. Воронов, по танкам – С.М. Кривошеин, по экономике – А. Сташевский. В Испании работали и другие известные в дальнейшем советские военачальники, такие как П.И. Батов, Н.Г. Кузнецов, Г.И. Кулик, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, А.И. Родимцев и др. Всего через войну в Испании прошло порядка трех тысяч советских граждан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.